

Н.Н. Страхов и отечественная философия науки (посвящается 180-летию со дня рождения мыслителя)

О. Д. МАСЛОБОВА

Единство слова и дела – вот, что всегда поражает нас в классиках философии: основные идеи и принципы их учения воплощаются ими в собственной жизни. Цельность натуры Николая Николаевича Страхова (1828–1896) в полной мере соответствует мировоззренческо-методологическому содержанию органицизма¹ – того направления русской культуры XIX в., активным создателем которого он выступил.

Н.Н. Страхов родился 16 октября 1828 г. в семье священника. Окончив костромскую семинарию, он становится вольнослушателем юридического, а затем студентом математического факультета Петербургского университета. Впоследствии, вспоминая об атмосфере, царившей в университете, Страхов напишет: "Отрицание и сомнение, в сферу которых я попал, сами по себе не могли иметь большой силы. Но я тотчас увидел, что за ними стоит положительный и очень твердый авторитет, на который они опираются, именно – авторитет естественных наук. Ссылки на эти науки делались беспрерывно; материализм и всяческий нигилизм выдавались за прямые выводы естествознания. И вообще твердо исповедовалось убеждение, что только натуралисты находятся на верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах. Итак, если я хотел "стать с веком наравне" и иметь самостоятельные суждения в разностях, которые меня занимали, мне нужно было познакомиться с естественными науками"².

В силу сложившихся материальных обстоятельств будущий мыслитель переходит на естественный факультет Главного Педагогического института, что дает ему право учиться на казенный счет и обязывает по окончании полного курса восемь лет преподавать в гимназии естественные науки. При этом Н.Н. Страхов гармонично сочетает

¹ Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX–XX вв.: эволюция и актуальность. М.: АПК и ППРО, 2007.

² Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896. С. 11.

получение образования со своими духовными устремлениями. Уже в ранней юности пытливый ум Н.Н. Страхова стремился творчески обосновать в своем мировоззрении высшие идеалы Блага, Истины, Красоты и Святости. Он потому и занялся естествознанием, что видел в науке потенциальную опасность поколебать его первоначальные этические и религиозные воззрения. Метод от противного в очередной раз доказал свою эффективность. В одном из своих писем М.Н. Каткову Н.Н. Страхов писал впоследствии: "Вы называете меня мыслителем. В какой бы малой степени я ни обладал этим свойством, у меня есть драгоценное пособие, которое, я надеюсь, спасет это свойство от бесплодия и от искажения. Это пособие в том, что я натуралист. В своей сфере, которою я занимаюсь, т.е. в философии природы, это очень важно. В моих статьях нет ошибок против естествознания, которые так портят иногда прекрасные философские исследования..."³

Внешне биография мыслителя не богата событиями, но какая насыщенная духовная, интеллектуальная жизнь! Защитив магистерскую диссертацию "О костях запястья млекопитающих", Страхов вскоре завершает педагогическую деятельность и выходит в отставку (1861 г.), чтобы полностью посвятить себя литературной критике, философии, издательской и переводческой деятельности. Он принимал участие в издании "Журнала Министерства народного просвещения", сотрудничал в журнале Ф.М. и М.М. Достоевских "Время", возглавлял журнал "Заря". Статьи Н.Н. Страхова по философии, психологии, теории познания, эстетике, философии и методологии науки выходят в журналах "Русский вестник", "Светоч", "Натуралист", "Вопросы философии и психологии". Сам мыслитель считал своим настоящим вступлением в литературу "Письма об органической жизни", которые были помещены в 1858 г. в еженедельном журнале "Русский мир".

Можно сказать, что Страхов посвятил себя задаче формирования целостного мировоззрения, адекватного вызовам эпохи⁴. Воспринимая науку как раздел и конкретизацию философской теории, он полагал, что наука учит нас переходить от одной умственной деятельности к другой направленно, т.е. от низшей к высшей, и если мы должным образом усвоили приемы этой высшей деятельности, то, когда мы почувствуем потребность перейти от внешне отрицательного определения сущего к внутренне положительному его постижению, мы убедимся, что научные интересы и другие высшие запросы души не исключают, а восполняют друг друга.

Сам Н.Н. Страхов говорил о двойном источнике своих воззрений: математические и естественные науки, с одной стороны, и философия Гегеля, метод которого он считал "полным выражением научного духа"⁵, с другой. "Гегелева философия есть завершение того мышления, которое стремится к *органическому* пониманию вещей. Не могу не заметить здесь, что сам Гегель представляет наилучший образец органического развития; его мышление бесчисленными корнями вращалось в действительность"⁶. *Ор-*

³ Страхов Н.Н. Письмо Н.Н. Страхова М.Н. Каткову от 21 авг. 1861 г. // Труды отдела рукописей ГБЛ. Копии писем к М.Н. Каткову. Ф. 120. П. 21.

⁴ См. работы Н.Н. Страхова: "О методе естественных наук и их значение в общем образовании" (1865), "Бедность нашей литературы" (1868), "Мир как целое. Черты из науки о природе" (1872), "О чисто эмпирическом методе" (1872), "Славянский сборник" Т. 1–3 (1875–1877), "Борьба с Западом в нашей литературе Кн. 1–3 (1882–1896), "Заметки о Пушкине и других поэтах" (1883), "Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом" (1885), "Главная задача физиологии" (1886), "Об основных понятиях психологии и физиологии" (1886), "О вечных истинах (мой спор о спиритизме)" (1887), "Опыт систематического изложения начальных оснований философии" Вып. 1–2 (1888–1889), "Из истории литературного нигилизма (1861–1865)" (1890), "Учение о Боге по началам разума" (1893), "Философские очерки (1895), "Философское учение о познании и достоверности познаваемого" (1896). Н.Н. Страхов переводит "Историю новой философии" Куно Фишера, "Об уме и познании" И. Тэна, произведения К. Бернара, А. Брема, Т. Шванна.

⁵ Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. V.

⁶ Страхов Н.Н. Органические категории // Журнал Министерства народного просвещения. 1861. № 3. С. 13.

ганическое понимание вещей в контексте учения Н.Н. Страхова и российского органицизма и космизма в целом означает понимание их как самоорганизующихся систем. В этом ключе мысль есть "наиболее органическая" сила, "поэтому лучший образчик органицизма можно найти в каком-нибудь проявлении мысли, например в логике Гегеля"⁷. Диалектика – это "органическое развитие", – обосновывает Страхов⁸.

Сам Страхов считал себя гегельянцем, однако он был им не "в смысле ученика, принимающего все положения учителя, готового *jurare in verba magistri*, но в смысле последователя, совершенно свободно относящегося к своему единомышленнику"⁹, использующего Гегелев диалектический метод как инструмент философского анализа оснований естествознания. В работе "О вечных истинах" Н.Н. Страхов пишет: "Помоему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчета в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам и в голове его собирается самый пестрый и разнообразный сор. Нередко это называется просвещением, любознательностью, ученостью, но, в сущности, это хуже всякого невежества. Против этого зла существует одно средство: постарайся мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может"¹⁰.

Страхова в естествознании интересовало не знание отдельных фактов, а уяснение их взаимосвязи и построение целостной картины мира. Он в полной мере отдает себе отчет в том, что наука без философии может только знать, а человеку необходимо мыслить, и упрекает свой век в том, в чем у нас еще более есть оснований упрекнуть современность: "Наш век хочет познавать, но упорно отказывается мыслить"¹¹.

В середине XIX в. Н. Страхов со всей определенностью ставит проблему философского анализа начала и границ науки, ее категориального и методологического аппарата, в адекватном своей эпохе контексте исследует плюсы и минусы эмпирического познания в его единстве с теоретическим, анализирует целостность науки в единстве частных ее дисциплин, выявляет значение науки в жизни отдельного человека и истории человечества, обосновывая, что всю полноту природы и содержания науки, саму ее сущность можно постичь только в ее взаимосвязях с философией, религией, искусством, моралью. Он выступает наравне с позитивистами как философ науки, но критикует позитивизм, исходя из более глубокого философского понимания оснований науки. Вот как это отмечал Б.А. Никольский: "Страхов указал на необходимость одухотворить мертвое тело механического естествознания живою водою диалектичского умозрения, на необходимость умозрительного творчества в его области; иными словами указал на необходимость философского анализа начал и понятий естествознания. Страхов показал, что естествознание разменялось на изобретения, забыло свои высшие задачи в погоне за мелочами и теперь превратилось в какую-то инертную массу сведений, нуждающуюся в одухотворении одним общим началом философского исследования. Наконец, он указал, что одна из главных слабостей науки о природе – ее односторонность, ее, так сказать, самодовольная исключительность, в силу которой представители естествознания специализируются в нем одном, довольствуются узкою областью частного знания вместо всеобъемлющего просвещения. И в этом смысле Страхов является едва ли не единственным истинно просвещенным, а не

⁷ Там же. С. 14.

⁸ См. там же.

⁹ *Радлов Э.* Несколько замечаний о философии Н.Н. Страхова. СПб., 1900. С. 13. Н. Грот вторит Радлову: "Страхов мыслит не по Гегелю, а вполне самостоятельно, сообразуясь только с общими правилами диалектического метода, т.е. метода строгой критики понятий". *Грот Н.* Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерования. М., 1896. С. 17.

¹⁰ *Страхов Н.Н.* О вечных истинах (мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. 57–58.

¹¹ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. XIX.

только ученым мыслителем второй половины нашего незавидной памяти истекающего девятнадцатого столетия"¹².

Русские мыслители позитивистскому стремлению рассматривать мир исключительно с научной точки зрения и формировать мировоззрение на данных точных наук противопоставили полнокровное восприятие мира, "признающее самую жизнь мерилом жизни, а потому взирающее на науку лишь как на один из формальных элементов жизни"¹³. При этом Страхов не приуменьшил, а, наоборот, адекватно возвысил значение науки: "Наука, конечно, стремится к познанию истинно сущего; но она определяет это сущее *только отрицательно*. Она есть постоянное *разоблачение* мира, постоянное снятие с него форм и красок, в которые он для нас облекается или, лучше, мы сами его облекаем"¹⁴. Цель наук: "*сознательно выделить все отрицательное и, следовательно, сознательно стать лицом к лицу перед положительно сущим*"¹⁵. Только при этом условии можно почувствовать за мертвенностью *сухой науки теплую струю духовной жизни* и понять науку как принадлежащую "к тем деятельности, которые ведут человека к исполнению его назначения; она не только есть чистое дело, – она есть *дело святое*"¹⁶.

Частные науки виделись Страхову частью самой философии: именно взаимопроникновение философии и науки обуславливает внутреннее единство науки вопреки ее дисциплинарной дифференциации. Когда позитивизм провозглашал, что каждая конкретная наука сама себе философия, а единственное общее, что есть между науками, – это подражание принципам построения физического знания, Страхов утверждал, что только философское умозрение может внести внутреннюю цельность в науку, без чего *естествознание не только не есть наука, но представляет собой уродливый набор голых сведений, ничем изнутри не объединенных и не освещенных*. Чтобы естествознание не превратилось в хаос, оно должно быть одухотворено единой и могущественной концепцией *творческого умозрения*. Хотя на сами науки Страхов смотрел как на "правильные, живые порождения умственной деятельности, так что каждая из них, если точно анализировать ее начала, может раскрыть нам самую сущность научного познания"¹⁷.

Н.Н. Страхов глубоко исследовал и раскрыл сущность эмпиризма, его сильные и слабые стороны, принципиальное отличие эмпирического уровня от теоретического: "Задача философии относительно эмпиризма и материализма заключается не в том, чтобы опровергать их, как будто они сплошь состоят из одних заблуждений, а в том, чтобы указать надлежащее их место в системе понятий и точно определить их границы"¹⁸.

Силу эмпиризма Страхов видит в том, что "эмпирик не имеет права ничего предрешать"¹⁹, а его привлекательность в том, что он по видимости не заключает в себе ничего субъективного. Однако, замечает Страхов, "цвета и звуки, формы и размеры, пространство и время суть создания нашей души, а не что-либо объективное, не такие действительные качества и сущности, которые воспринимались бы нашей душою, как пустым вместилищем. Вот выводы чистого опыта... Для истинного эмпирика, в противность обыкновенному понятию об эмпиризме, полную достоверность имеет только один *внутренний опыт*"²⁰. Таким образом, страховская трактовка опыта со-

¹² Никольский Б.В. Н.Н. Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896. С. 34.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Страхов Н.Н. О вечных истинах (мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. 130.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. С. VII.

¹⁸ Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. С. IX–X.

¹⁹ Там же. С. 329.

²⁰ Там же. С. 335–336.

звучна позитивистской, но лишь в определенной степени, ибо, по словам Страхова, "опыт не имеет права выходить за свои пределы, так как он не решает вопроса о сущности истины и действительности познания... он на всякое познание смотрит только как на известное состояние нашей души, приписывает ему реальность только в этом субъективном смысле и не считает себя в праве рассуждать о том ином значении, на которое познание заявляет притязания"²¹.

Страхов отмечает бесценные качества "чистого эмпиризма": "результаты его вполне достоверны... не противоречат и не могут противоречить никакому умозрительному исследованию, если оно ведется с совершенною строгостию"²². Эффективность эмпиризма актуализируется, подчеркивает мыслитель, при условии четкого осознания, что "опыт дает нам только то, что он может дать", когда эмпирический и теоретический уровни хорошо дифференцированы и на этой основе плодотворно взаимодействуют. Но эмпиризм из "чистого" становится "грубым", когда он абсолютизируется, претендуя на теоретический или даже философский статус. В предисловии ко второму изданию своей монографии "Мир как целое" в 1892 г. Н.Н. Страхов оценивает предшествующие три-четыре десятилетия: "Именно эти десятилетия были временем горячих споров о самых основных вопросах изучения природы. Естественные науки заняли в это время первое место в умственном движении, стремились стать как бы философией или метафизикой наших дней, и потому вели упорную борьбу за то, что считали своими научными началами. В настоящую минуту можно, однако же, видеть, что понимание этих начал не сделало в это время никаких успехов, да и надежда на полное их господство в умственном мире стала все больше оказываться несбыточной"²³. Причина всяких остановок и ненормальностей развития науки заключается в грубом эмпиризме, отрицающем умозрение: "Эмпирик не может схватить вопроса в его целостности и не догадывается сам, откуда у него возникло какое-нибудь обобщение; вместо того, он упорно ищет фактов для подтверждения своей мысли, без конца занимается подбором этих фактов и никак не может уразуметь, что какие бы груды он их не набрал, они ничего не докажут, если не дадут строгого вывода и если не доказано их назначение для предмета, взятого в его целостности"²⁴.

Позитивистскому принципу "каждая наука сама себе философия" Страхов противопоставляет принцип "каждая наука имеет свою метафизику", и "метафизическая примесь к наблюдению и опыту не только не препятствует развитию науки, а напротив, составляет условие и причину этого развития"²⁵. Она должна не стеснять движение науки, а наоборот, открывать ей новые пути и задачи. На деле взаимодействие науки и метафизики весьма прихотливо. "<...> обыкновенно старая метафизика бывает упорно защищаема привычными к ней учеными, и новая долгое время принимается за смелую гипотезу. В таких случаях для разрешения споров и недоразумений весьма полезно было бы изложить факты и выводы науки в совершенно чистой опытной форме, так чтобы была устранена всякая метафизическая примесь, чтобы свидетельство опыта не заключало в себе ничего априористического"²⁶.

Современники квалифицировали Страхова как представителя "перегородочной философии", поскольку бросалось в глаза, насколько он освоил и последовательно проводил в своих исследованиях, по сути, диалектический принцип, согласно которому качество функционирования сложной системы зависит в первую очередь от зрелости

²¹ Там же. С. 336.

²² Там же. С. 343–344.

²³ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. XV.

²⁴ *Страхов Н.Н.* Всеобщая ошибка дарвинистов (По поводу статьи проф. Тимирязева: Опровергнут ли дарвинизм?) // Русский вестник. 1887. № 11, 12. С. 100–101.

²⁵ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. 519.

²⁶ Там же. С. 519–520.

составляющих ее элементов, поэтому, чтобы объединяться, необходимо сначала хорошо разъединиться. Освобождение эмпирического материала от метафизики требует профессиональных философских навыков, поскольку эмпиризм сам по себе не способен и не должен разрабатывать какое бы то ни было теоретическое обоснование: "Я все боюсь, что перед светом истинно философской мысли такие метафизические рассуждения, в какие иногда пускаются Гельмгольц, Дюбуа-Реймон, Негели и другие натуралисты, или даже такие философские учения, как Конта, Спенсера и подобных философов, могут оказаться чрезвычайно слабыми и уродливыми произведениями человеческого ума. Между тем хорошо обработанные и установленные результаты любой из естественных наук никогда не могут совершенно потерять своей цены. Будем же их держаться, прежде чем отваживаться на трудные пути в области философии"²⁷.

Именно в учении Канта Страхов видит профессиональное философско-методологическое основание перехода от классической науки к современной: "<...> со времен Канта сущность метафизики обнажилась, кажется, перед нами до конца; мы можем узнать ее, какие бы видоизменения она ни принимала, как бы она ни утончалась и ни пряталась. Поэтому можно ожидать, что настанет время, когда метафизика будет во все изгнана из наук, то есть из них будут изгнаны всякие попытки воплощать сущность вещей в те или другие частные формы. Тогда априористический элемент, эта душа каждой науки, будет иметь вид не метафизики, а *диалектики*"²⁸.

Н.Н. Страхов призывает мыслить строго, отчетливо: различать категории, принципы и методы, дабы не допускать никакой путаницы. Задачу своей работы "Мир как целое" он видит в том, чтобы посредством философского метода "*ставить и развивать понятия*"²⁹. Эмпирические данные приобретают смысл, когда они обрабатываются мыслью теоретической, основным инструментом которой выступают категории. Осмысленности и отточенности категориального аппарата Страхов придавал особое значение, видя в этом необходимое условие построения истинного теоретического знания. Прямая и положительная польза философии для естественных наук – в прояснении смысла тех понятий, которые составляют их категориальную систему. Философия делает осознанным то, что творится "скрытою силою духа" и тем самым "высокое философское творчество" бессознательно управляет развитием языка³⁰. Неотрефлексированность категориального аппарата наук тормозит их развитие, и такое положение дел напрямую связано с самой природой науки: "существенное в науках то, что они *науки*; цель их вовсе не приближение к вещественному миру, а наоборот, возведение вещественного мира в умственный"³¹.

Внимание Н.Н. Страхова к категориальному аппарату науки отчасти перекликается с позитивистской трактовкой предмета философии и установкой на исследование языка конкретно-научного знания. Однако стремления к достижению однозначности языка Страхов не разделяет. Позиция его в этом отношении прямо противоположна: он раскрывает и акцентирует неисчерпаемую глубину языка, необходимость относиться к нему как к живому организму и в этом видит неиссякаемый источник эволюции процесса мышления. К словам и особенно к категориям надо относиться как к личности: понимать их индивидуальную физиономию и знакомиться с нею.

Отрефлексированность категориального аппарата – это основное средство преодоления отжившего представления о мире. Усвоение органических категорий, в ко-

²⁷ Страхов Н.Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи проф. Тимирязева: Опровергнут ли дарвинизм?) // Русский вестник. 1887. № 11, 12. С. 125.

²⁸ Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. 520.

²⁹ Там же. С. XIX.

³⁰ Страхов Н.Н. О методе естественных наук и их значение в общем образовании. СПб., 1865. С. 88-89.

³¹ Там же. С. 98.

торых, по учению Страхова, содержится глубинная тайна диалектики, это инструмент освобождения от механицизма. "Механические категории господствуют и доньше с большою силою и не только в естественных науках, но и во всех областях знания"³², – восклицает мыслитель.

Вступая в полемику с г. Эдельсоном по поводу генезиса органических категорий, он подчеркивает, что позитивистский ход мысли существенно ограничивает категориальный аппарат теоретического познания: "Но всего яснее понижается *идея организма* тем происхождением, которое дает ей автор. Происхождение есть дело первой важности, потому что уже по нем можно судить и о самой идее. Г. Эдельсон говорит, что идея организма дана *естественными науками*. При этом случае он даже хвалит естественные науки и хвалит совершенно справедливо. Тем не менее нельзя не видеть, что органические категории унижены таким происхождением. На самом деле для того, чтобы происхождение идеи от каких бы то ни было частных наук не было для нее унижением, нужно самые науки рассматривать как одну из сторон развития человеческого духа вообще, нужно указать глубочайшие корни самых наук. Но тогда будет ясно, что идея коренится в духе человека вообще, а не в каком-нибудь частном знании"³³.

Причина того, "почему во всех образованных литературах, простой совокупности частей противопоставляют *органическое целое*, простой связи частей – *органическую связь*, простым переменам – *органическое развитие* и т.д."³⁴, коренится в "бессознательном, но всепроникающем влиянии философии"³⁵. Именно философия, учения которой "долговечнее, чем явления других умственных сфер, и чуть ли не превосходят своею долговечностию даже произведения поэтического творчества"³⁶, вынашивая со времен сократовского переворота диалектику как собственно философский метод и методологию, адекватную предмету философии, подготавливает каждый раз в истории науки мировоззренческо-методологический и теоретический фундамент перехода ее на качественно новый уровень, причем делает это в широкой исторической перспективе. Начиная с апорий Зенона и формальной логики Аристотеля, философия учит строгости теоретического мышления. Профессионализм в этом отношении не может выработать ни одна отдельно взятая конкретная наука. Не смутные идеи предлагает философия своему законнорожденному дитя – науке, а развивающуюся систему категорий, укореняющих научное познание в фундамент бытия. Об этом говорят сами названия страховских статей "Идея организма" и "Органические категории", в которых он и полемизирует с Эдельсоном. "Высшие", т.е. философские, категории Страхов противопоставляет неопределенным идеям: "<...> вся цель моя была показать, что, понимая категории не как категории, а как-нибудь иначе, нельзя не впасть в ошибочные мнения. Я старался пояснить это из самой природы категорий"³⁷. Если понятия – это отражение сущности явлений, то философские категории – это отражение предельно фундаментальных сущностей, а категории отдельных научных дисциплин – это конкретизация философских категорий применительно к частной предметной области, и развитие конкретно-научного знания – это восхождение к высшим фундаментальным сущностям, прогностически отрефлексированным философией. Н. Страхов называет органические категории "высшими", имея в виду двойной смысл: как философские и как задающие бесконечный горизонт конкретно-научного постижения ми-

³² Там же. С. 77.

³³ Там же. С. 73–74.

³⁴ Там же. С. 77.

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб., 1895. Предисловие. С. VIII.

³⁷ Страхов Н.Н. О методе естественных наук и их значение в общем образовании. СПб., 1865. С. 86.

ра: "Органические категории вовсе не суть понятия отвлеченные от организмов; напротив – натуралистам еще придется внести их в свое изучение органической природы. А почему организмы суть существа, в которых как бы воплощаются высшие категории – это совершенно ясно; потому что организмы суть высшие существа природы и высший организм есть сам человек, микрокосм, мера вещей, самое сложное и самое цельное из всех явлений. Но не организмы произвели органические категории; они не заключают их в себе, а только подчиняются им"³⁸.

Органические категории и принципы органицизма оказались плодотворно и без какого бы то ни было вульгарного биологизаторства разработанными именно в русской философии, причем российский органицизм и космизм, по сути, содержат саму методологию саморазвития и самоорганизации. Полнокровное восприятие науки позволило органицистам и космистам разработать диалектику естественного и искусственного, что принципиально важно в контексте развития современных научных технологий, требующих такого разрешения противоречия между естественным и искусственным, чтобы искусственное не превратилось в противоестественное. Односторонняя абсолютизация науки и научных технологий – путь биороботизации, есть самый эффективный путь самоуничтожения человечества. Преодоление этой тенденции в первую очередь связано с интеграцией науки и философии. Сегодня в полной мере актуально звучат слова Н.Н. Страхова: "Значение же, которое приобрело изучение природы в последние столетия, должно быть предписано философскому перевороту в умах, и философия содержит в себе глубочайший смысл этого изучения. Тем не менее, однако же, нельзя считать натуралистов философами, и одностороннего взгляда, который неизбежно у них развивается, нельзя принимать за философию. Все это совершенно понятно для знакомых с философиею. Вообще заметим, чтобы отличить какие бы то ни было умственные явления от философии, для этого, очевидно, нужно знать философию, нужно философствовать. Чтобы говорить о философии, точно так же нужно знать философию, нужно философствовать. Как ни просты эти истины, их беспрерывно забывают. Большею частию о философии знают только, что она темна, т.е. ее не знают, и, однако же, берутся судить о ней"³⁹.

Требуется, однако, синергетическое единство не только философии и науки, но и всех высоких творческих проявлений человеческого духа: художественно-эстетических, нравственно-этических, религиозных, и идея эта вынашивалась Н.Н. Страховым и всей русской философией как интуиция единства Блага, Истины, Красоты и Святости. В работе "О вечных истинах" мыслитель уподобляет современные научные исследования оптическим познаниям проф. Саундерсона, слепого от рождения, но мастера читавшего курс оптики. Н.Н. Страхов пишет: "Мы можем долго и усердно заниматься историей, философией и религией <...> но горе нам, если мы вообразим, что это – единственное истинное познание, и что мы будем тем мудрее, чем крепче будем закрывать наши глаза", т.е. односторонне погружаться только в одну какую-нибудь стихию духа. "Для полного понимания нужно открыть глаза <...> и тогда мы увидим то, чего не узнают никогда самые ученые Саундерсоны и что бывает доступно самым простым людям, – увидим душу явлений, их глубокую жизнь и силу, и, может быть, услышим, что и в иных наших книгах, казавшихся мертвыми, кричит каждая буква, как выразился Гоголь"⁴⁰.

Полнота и сила науки, заключающаяся в ее взаимосвязях с иными проявлениями человеческого духа, составляет стержень деятельностного типа мировоззрения,

³⁸ Там же. С. 79–80.

³⁹ *Страхов Н.Н.* Значение гегелевской философии в настоящее время // *Страхов Н.Н.* Философские очерки. СПб., 1895. С. 8.

⁴⁰ *Страхов Н.Н.* О вечных истинах (мой спор о спиритизме). СПб., 1887. С. XXXVI–XXXVII.

приходящего на смену созерцательному в результате промышленного переворота⁴¹. В российском органицизме и космизме этот тип был осознан как принцип деятельностного подхода к единому природно-социальному организму. Н.Н. Страхов одним из первых отрефлектировал категорию деятельности, разрабатывая ее в качестве мировоззренческого принципа: "деятельность есть понятие более трудное, чем бытие". Быть способным к деятельности означает брать ответственность за поставленные цели и уметь их достигать. В этом, как считает Н.Н. Страхов, заключается причина нежелания современного человека мыслить: "Наш век хочет познавать, но упорно отказывается мыслить, как будто боясь, что мышление разрушит начала, на которых он строит свою жизнь и возложит на него слишком трудные задачи и обязанности"⁴².

Учение Н.Н. Страхова, как и российский органицизм и космизм в целом, – это закономерное продолжение наиболее плодотворных тенденций развития мировой и отечественной философской мысли. А. Введенский, отмечая историческое значение творчества Страхова, пишет: «Есть нечто сократовское в философствовании Н.Н. Страхова. Он всегда, прежде всего и больше всего, занят установкой вопроса, опровергая ложные мнения, отклоняя мысль с ложных путей, он указывает тем самым путь истинный, так сказать подводит к истине, а сам отходит в сторону и как бы говорит: "смотри, рассуждение кончилось, и началось ощущение, видение, – мы вступили в царство живых и конкретных идеалов красоты, блага и святости" <...> Прием, как видим, совершенно сократовский».

Статья "Органические категории" возвращает нас к началу творческого пути Н.Н. Страхова. Нынешняя ее публикация опирается на текст, датированный 12.05.1860. Он появился на страницах "Журнала Министерства народного просвещения" № 3 за 1861 г. и относится к числу первых страховских публичных выступлений. Однако в нем нашли выражение принципы уже разработанной в своих фундаментальных основах философско-методологической концепции, поскольку на арену публичной писательской деятельности Н. Страхов вышел вполне сформировавшимся мыслителем.

Непосредственным поводом для написания статьи, как на это указывает сам автор, послужила позиция Е.Н. Эдельсона, изложенная в статье "Идея организма и ее приложение в различных сферах знания" ("Библиотека для Чтения" № 3 за 1860 г.). Евгений Николаевич Эдельсон (1824–1868), печатавшийся большей частью под псевдонимом Е. Сигiosa, – известный литературный критик, переводчик и журналист, был уроженцем Рязани. Окончив курс в Московском университете на физико-математическом факультете, Эдельсон под влиянием гегельянства обратился к литературе. Друг молодости А.Н. Островского, он был участником литературного кружка "Молодой Москвитянин", возглавляемый Погодиным. Членами кружка были также А.Н. Островский, Ап. Григорьев, Л.А. Мей, Н.В. Берг, Б.Н. Алмазов и др. Эдельсон сотрудничал в качестве помощника редактора в газете "Московские ведомости", в журналах "Библиотека для чтения", "Всемирный труд", "Отечественные записки", "Журнал Министерства народного просвещения".

Полемика между Н.Н. Страховым, Е. Эдельсоном, а заодно и Ап. Григорьевым, по поводу ставшей модной в отечественной литературе XIX в. "органической" лексики отразила витающую в воздухе проблему преодоления механистического мировоззре-

⁴¹ См.: *Маслобоева О.Д.* Глобальный тип мировоззрения // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. Москва–Санкт-Петербург–Нью-Йорк, 2006. С. 240.

⁴² *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1892. С. XIX.

ния. Российские органицисты и их теоретико-мировоззренческие преемники – космо-сты, в исследовании любого природно-социального феномена исходили из того, что он есть органическая, т.е. самоорганизующаяся, саморазвивающаяся система. Разница в позиции Е. Эдельсона и Н. Страхова заключается в том, что для Эдельсона современная "органическая" терминология это мода на идеи, взятые из естественных наук и позволяющие делать простые аналогии с организмом применительно к любому феномену. Напротив, Н. Страхов показывает, что распространение органических категорий есть результат эволюции *философской* рефлексии, тогда как естествоиспытатели, исследуя мир растений и животных, по-прежнему стремятся редуцировать закономерности их функционирования к механическим процессам.

В тексте публикуемой статьи сохранены все его стилистические и синтаксические особенности, не вступающие в противоречие с современными языковыми нормами, также сохранены и выделения курсивом. Примечания к статье принадлежат публикатору.